

И. К. Богомолов

Рецензия на книгу: *McGeever B. Antisemitism and the Russian Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 247 p.*

В монографии доктора философии, преподавателя социологии в Биркбеке (Лондонский университет) Брендана МакГивера предпринимается попытка всесторонне осветить антисемитизм в России в революционную эпоху. Сама по себе тема, конечно, отнюдь не нова. Помимо обширной литературы о погромах в годы российской революции, в последние годы растет интерес исследователей к «национальному вопросу» и в частности — к положению евреев в СССР¹. Однако уже из введения можно понять, что автор ставит перед собой иные задачи, не вполне читаемые в названии монографии. МакГивер подчеркивает, что его исследование «выходит за рамки историографии российской революции» и затрагивает смежные сюжеты: тесная связь антисемитизма с расизмом, а также распространение антиеврейских настроений в «левых» политических течениях. Наибольшее внимание автор уделил антисемитизму в Красной армии в годы Гражданской войны. Эту тему также нельзя назвать новой, особенно после выхода значимых трудов О. В. Будницкого и В. П. Булдакова, показавших, сколь непростым было положение евреев в противостоянии красных и белых². Хотя погромы в Красной армии и являются второстепенными в общей картине антиеврейского насилия во время Гражданской войны, в книге МакГивера они занимают центральное место из-за «фундаментальных вопросов, которые они поставили перед советским правительством, его приверженностью интернационализму

и борьбе с расизмом» (с. 5). Автор выходит за рамки категорических различий между «антисемитами» и «не-антисемитами», «революционерами» и «контрреволюционерами» и показывает, как антисемитизм проявлялся в политике советской власти.

Книга состоит из семи глав, повествование в которых выстраивается по хронологическому принципу. Значительное место занимает введение, в котором дается краткий анализ отношения российских социалистов к антисемитизму с 1880-х гг. до Первой мировой войны. В 1880-х гг. многие народники понимали погромы как «пробуждение масс». Кишиневский погром 1903 г. ознаменовал начало второй, взрывной волны погромов в позднимперской России. Между 1903 и 1906 гг. по черте оседлости прокатилась беспрецедентная волна антиеврейского насилия. В этот период большевики помогали еврейским революционным организациям в их борьбе с погромами и выпускали десятки просветительских листовок на тему антисемитизма (с. 13). В октябре 1905 г. был образован Объединенный комитет социал-демократов, в состав которого вошли большевики, меньшевики и бундовцы. МакГивер отмечает, что именно тогда большевики «приравнивали антисемитское насилие к реакции царского государства» (с. 12). Эта концепция определяла позицию большевиков, до революции считавших, что с исчезновением царизма и «эксплуататорских классов» исчезнет и антисемитизм — явление искусственное и созданное для «отвлечения» пролетариата и крестьянства от классовой борьбы. Еврейские организации (прежде всего Бунд) неоднократно указывали на эту «увлеченность» социал-демократов классовой борьбой и практически полным игнорированием национального вопроса. Помощь большевиков евреям во время погромов была в основном частью тактической борьбы, не изменявшей основные идеологические постулаты. Лишь приход к власти заставил большевиков начать пересматривать свое отношение к антисемитизму.

Обращает на себя внимание, что собственно 1917 г. посвящена лишь одна, первая глава. Фактически это обширное вступление к основному тексту, охватывающему период с Октябрьской революции до начала 1920-х гг. О периоде «от Февраля к Октябрю» МакГивер упоминает достаточно кратко, останавливаясь почти исключительно на реакции на погромы социалистов разных оттенков. Описание реакции и действий Временного правительства также даны вскользь. Можно предположить, что автор не увидел в этом особого смысла, так как реальных возможностей для обуздания волны погромов по всей стране Временное правительство не имело. Напротив, в центр повествования изначально поставлены реакция и действия большевиков, которые вскоре создадут свое правительство. По сути, именно с Октября и начинается основная часть монографии.

Взгляд на антисемитизм как на «контрреволюционный феномен» до поры позволял большевикам обходить эту тему стороной, однако о ней напоминали

как противники, так и союзники. Главной проблемой было то, что советская власть едва ли не с первых дней обвинялась в привлечении к работе «черносоптенцев», а значит — и в потакании погромам. Умеренная часть евреев-социалистов высказывала опасение, что стремление большевиков свергнуть Временное правительство и (преждевременно) построить социалистическое общество обязательно приведет к погромам. В.Л. Львов-Рогачевский, к примеру, полагал, что «темные массы... неспособны отличить провокатора от революционера или еврейский погром от социальной революции» (с. 33). И хотя в Октябре массовых погромов не случилось, события 1917 г. «в зачаточной форме предопределили параметры так называемого еврейского вопроса в Гражданской войне» (с. 36).

Во второй главе МакГивер подробно останавливается на «красных погромах» весны — лета 1918 г. Для большевистского руководства стало неприятной неожиданностью активное участие в них красноармейцев. Как отмечает автор, если в 1919 г. большинство погромов было совершено антибольшевистскими вооруженными силами, то весной 1918 г. антисемитское насилие исходило главным образом от Красной армии. В это время стало ясно, «в какой степени антисемитизм мог сочетаться с революционным процессом». В некоторых регионах бывшей черты оседлости большевистская власть «фактически была создана с помощью антиеврейского насилия» (с. 38). Признавая и осуждая проблему, большевики старались минимизировать упоминание в этом контексте армии. Советская пресса в целом «уклонялась от открытого обсуждения проблемы “красного антисемитизма”» (с. 49). С небольшими изменениями эта практика продолжалась весь период Гражданской войны.

Третья глава посвящена «советскому ответу» на погромы — первым системным попыткам большевистского руководства противостоять антисемитизму. Основное внимание здесь уделяется периоду с марта по май 1918 г. — времени, когда работал Московский еврейский комиссариат (евком). В интерпретации автора это была «небольшая группа еврейских социалистов», вовлеченная в «интенсивную фазу антирасистской политики в нижних эшелонах советского государственного аппарата» (с. 53). Одной из форм борьбы с погромами московский евком считал создание специальных отрядов военной обороны. Отвергнув эти предложения, московский Совнарком предложил активизировать пропаганду, проводить «систематическую культурно-просветительскую работу» в Красной армии, публиковать листовки об антисемитизме и активнее привлекать к борьбе с ним советскую прессу. Однако уже в мае московский евком и московский Совнарком были распущены вследствие давления Ленина, боровшегося с влиянием левых эсеров в Москве, и Сталина, стремившегося «покончить со всеми региональными комиссариатами по национальным делам» (с. 73). Были свернуты все запланированные пропагандистские кампании. В частности, в «Известиях» и «Правде» в 1918 г. больше не выходило статей, направленных против антисемитизма и погромов. МакГивер отмечает, что для

большевистского руководства центральным вопросом было не «тяжелое положение черниговских евреев, а выживание советского государства». Активности московского евкома и большевистские лидеры, «несмотря на то что между ними существовала общая политическая позиция, явно придавали разный уровень важности вопросу о насилии погромщиков» (с. 85).

Четвертая и пятая главы посвящены антисемитизму в Красной армии во время боев на Украине в 1918–1919 гг. По мнению автора, большевистская революция на Украине имела «очень специфическую связь с антисемитизмом». Хотя только 8,6% погромов Гражданской войны были на совести Красной армии, это «ничего не говорит нам о характере и масштабах антисемитских настроений» (с. 89). Частой была ситуация раскола в местных парторганизациях из-за «еврейского вопроса». В некоторых регионах ситуация была настолько серьезной, что большевистские агитаторы просто не могли приблизиться к красноармейским частям, опасаясь, что их расстреляют на месте как «жидовских спекулянтов» (с. 106). В этом смысле другой оттенок приобретают и антибольшевистские восстания. К примеру, григорьевщина «представляла собой то, чего желали многие из социальной базы большевиков на Украине»: популистское левое правительство, которое представляло «истинную» советскую власть. Казалось, акцентирование на власти «трудового народа» позволяло «пробиться сквозь антисемитский дискурс и указать путь к подлинно классовому сознанию». Однако в «украинской революционной конъюнктуре» классовые и этнические категории не могли быть так легко разделены (с. 110).

МакГивер оспаривает точку зрения Р. Пайпса, писавшего о «демонстративном молчании» Москвы по поводу погромов (с. 129), отметив, что уже в феврале 1919 г. эта проблема озвучивалась публично. Причины тому автор усматривает в изменившемся положении на фронтах Гражданской войны. Погромы весны 1918 г. «не представляли значительной военной угрозы для советского режима», особенно в сравнении с чехословацким мятежом (с. 137). В 1919 г., с установлением советской власти на Украине, вину за погромы уже нельзя было «свалить» на антибольшевистские силы. Процветая уже внутри советского государства, антисемитизм стал прямой угрозой, фундаментальным вопросом, от которого «зависела судьба революции на Украине» (с. 138). Борьба с ним приняла более решительный и системный характер, хотя и большевики, и советская печать по-прежнему редко признавали наличие антисемитских настроений в Красной армии.

Более подробно шаги советского правительства в борьбе с антисемитизмом освещены в шестой главе. Знаковым событием стало создание в августе 1919 г. Комитета по борьбе с антисемитизмом — результата более чем года борьбы Центрального бюро Евсекции за придание проблеме антисемитизма и погромов особого статуса. Полномочия комитета изначально были ограничены пропагандой и просвещением среди рабочих и крестьян — «социальной базы большевиков». МакГивер замечает, что, в отличие от других органов советского

правительства, комитет «отказался игнорировать специфику антисемитизма в Красной армии» и предлагал проводить лекции в полках, распространять листовки и специальную литературу (с. 173). Отношение Совнаркома к комитету было противоречивым. В октябре 1919 г. Ленин согласился предоставить на просветительские проекты Комитета миллион рублей, однако буквально в тот же день было принято решение о закрытии комитета, официально произошедшее в январе 1920 г. Автор видит в этом «недооценку антисемитизма со стороны советского правительства». Закрытие комитета стало «символом спорадического... подхода большевистского руководства к проблеме» (с. 177). Тем не менее на фоне антибольшевистских сил многие евреи оценивали советскую власть как «меньшее из зол».

Седьмая глава, по словам самого МакГивера, «предлагает развернутое обсуждение неразрешимости антисемитизма в русской революции и демонстрирует, как большевики и еврейские коммунисты оставались в плену расистского “еврейского вопроса”» (с. 17). Победа в Гражданской войне и укрепление власти на территориях бывшей черты оседлости ставили перед большевиками новые задачи и создавали новые идеологические проблемы. «Классовая борьба» здесь приобретала неожиданные и порой причудливые формы. Когда партизанские отряды Красной армии на Украине в середине 1919 г. получили приказ уничтожить спекулянтов, «могло ли большевистское руководство быть уверенным, что такая размытая категория, как “спекулянт”, будет понята в ее марксистском, а не антисемитском смысле?» (с. 184). Присутствие евреев в государственном аппарате понималось большевиками как основная причина антисемитизма, и для некоторых партийных лидеров это означало, что советское правительство должно сократить число евреев на разных постах. К концу 1919 г. «эта противоречивая политика в конечном счете стала официальной партийной позицией» (с. 191). Большое значение имел проект тезисов, написанный Лениным к заседанию Политбюро 2 октября. В нем рекомендовалось «евреев и горожан на Украине взять в ежовые рукавицы», отправляя их на фронт и не допуская в государственные учреждения, за редким исключением и «под классовым контролем» (с. 193). В итоговой резолюции VIII Партийной конференции евреи были заменены «городским мещанством», которое «не имеет представления об условиях жизни крестьянских масс» (с. 193). МакГивер не склонен видеть в этом нарастающий антисемитизм Ленина, но не согласен и с Пайпсом, утверждавшим, что Владимир Ильич был равнодушен к «еврейскому вопросу» (с. 195). Автор видит здесь «гораздо более глубокую, конъюнктурную проблему: каждый шаг, предпринятый большевиками в кампании против антисемитизма, рисковал утвердить критикуемую ими расовую логику» (с. 195).

В целом монография Б. МакГивера оставляет положительное впечатление. Написанная легко и увлекательно, она в то же время подкреплена значительным массивом источников, включая несколько крупнейших архивов России и Украины (ГА РФ, РГАСПИ, РГВА, РГАЛИ, ЦДАВО). Как и любая крупная

научная работа, она несвободна от мелких недочетов и ошибок, например — перевод автором термина «народники» как «популисты». Вопросы вызывает и название книги, основная часть которой посвящена одному из аспектов антисемитизма в революционной России — ответу большевиков на погромы в годы Гражданской войны. Лишь мимоходом упомянут собственно 1917 г., все внимание обращено на отношение к антисемитизму социалистов всех оттенков и вовсе не упомянуты в этом контексте другие политические силы. Нужно сказать, что приведенные во введении цели и задачи монографии, проблематика и привлеченные источники полностью соответствуют содержанию, но не соответствуют названию работы. Проблема антисемитизма в годы российской революции априори не может ограничиваться большевиками и их политикой, здесь не могут не быть упомянуты другие силы Гражданской войны, а также практически не изученная политика Временного правительства. Тем не менее труд МакГивера вносит большой вклад в исследование борьбы с антисемитизмом в первые годы советской власти, а также таких новых тем, как «левый» антисемитизм.

---

¹ *Bemporad E. Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk.* Bloomington, 2013; *Moss K. B. Jewish Renaissance in the Russian Revolution.* Cambridge, 2009; *Sicher E. Jews in Russian Literature after the October Revolution: Writers and Artists between Hope and Apostasy.* Cambridge, 2006.

² *Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920).* М., 2005; *Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России. 1917–1918 годы. Условия возникновения. Хроника. Комментарий. Анализ.* М., 2010.

REFERENCES

- BEMPORAD E. *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk.* Bloomington, 2013.
BUDNITSKII O. V. *Rossiyskiye yevrei mezhd u krasnymi i belymi (1917–1920).* Moscow, 2005.
BULDAKOV V. P. *Khaos i etnos. Etnicheskiye konflikty v Rossii. 1917–1918 gody. Usloviya vznikhoveniya. Khronika. Kommentariy. Analiz.* Moscow, 2010.
MOSS K. B. *Jewish Renaissance in the Russian Revolution.* Cambridge, 2009.
SICHER E. *Jews in Russian Literature after the October Revolution: Writers and Artists between Hope and Apostasy.* Cambridge, 2006.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. К. Богомолов. Рецензия на книгу: *McGeever B. Antisemitism and the Russian Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 247 p. // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 282–288

Аннотация: В рецензии анализируется монография доктора философии, преподавателя социологии в Биркбеке (Лондонский университет) Брендана МакГивера об антисемитизме в революционной России и в первые годы советской власти. Констатируется, что название книги — «Антисемитизм и российская революция» — не вполне соответствует содержанию. Автор сосредоточил внимание на ответе большевистского руководства на антисемитизм в 1917–1920 гг. и трудностях, с которыми ему пришлось в этой борьбе столкнуться. В монографии практически не упомянуты ни антибольшевистские силы, ни Временное правительство, ни позднейший период. Тем не менее исследование большевистского ответа на антисемитизм в годы Гражданской войны выполнено на высоком уровне с привлечением большого количества архивных источников. Немаловажно и обращение к малоизученной теме «левого антисемитизма».

Ключевые слова: антисемитизм, российская революция, Гражданская война, евком, погромы, Григорьевщина, В. И. Ленин, И. В. Сталин.

FOR CITATION

I. K. Bogomolov. Review of monograph: *McGeever B. Antisemitism and the Russian Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 247 p. // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2022, pp. 282–288

Abstract: The review analyzes the monograph of the Doctor of Philosophy, professor of Sociology at Birkbeck (University of London) Brendan McGeever on anti-Semitism in revolutionary Russia and in the first years of Soviet power. It is stated that the title of the book — “Antisemitism and the Russian Revolution” — does not fully correspond to the content. The author focuses on the response of the Bolshevik leadership to anti-Semitism in 1917–1920 and the difficulties that it had to face in this struggle. Neither the anti-Bolshevik forces, nor the Provisional Government, nor the late Imperial period are practically mentioned in the monograph. Nevertheless, the study of the Bolshevik response to antisemitism during the Russian Civil War was carried out at a high level with the involvement of a large number of archival sources. It is also important to address the little-studied topic of left-wing antisemitism.

Key words: antisemitism, Russian revolution, Russian Civil War, evkom, pogroms, Grigorievshchina, V. I. Lenin, I. V. Stalin.

Автор: **Богомолов, Игорь Константинович** — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Author: **Bogomolov, Igor Konstantinovich** — PhD, Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: bogomolov@inion.ru

ORCID: 0000-0001-8381-0284